

Грустные пейзажи рожают грустные чувства, и даже Ань Фэн не смог сдержать вздоха, сказав:

— Князь Цзиньань был таким верным и мудрым, но и он не смог избежать печального конца.

Думая о себе, Ань Фэн испытывал множество чувств. Вспоминая прошлое, он представлял, каким величественным был князь Цзиньань. А теперь, за одну ночь, его волосы поседели, он лежал на больничной кровати и был отправлен в изгнание в Жаочжоу.

Е Вэньцин тоже задумался, но его мысли были совершенно иными:

— Удача князя Цзиньаня иссякла сразу после смерти предыдущего императора. Нынешний император не потерпит высокомерия знати.

Чем выше положение аристократа, тем более он должен быть осторожен. Вид с высоты прекрасен, но в любой момент можно сорваться в пропасть.

Ань Фэн был рад, что его семья всегда умела правильно оценивать ситуацию и заслужила доверие нынешнего императора, избежав многих подозрений и конфликтов.

Так размышляя, он снова вздохнул, чувствуя, что не находит общего языка с Е Вэньцином, и нашёл предлог:

— Завтра император отправится в храм Суйхэ на горе Дунли для летнего отдыха и будет отсутствовать около месяца. Я тоже поеду с ним, поэтому сегодня прощаюсь.

Сказав это, он поспешно ушёл, не дожидаясь прощания Е Вэньцина.

Е Вэньцин подумал, что сегодня Ань Фэн выглядел озабоченным, но не стал углубляться в размышления и тоже направился домой.

В день летнего солнцестояния Сяо Юйшань, следуя традиции, отправился в храм Суйхэ на горе Дунли для летнего отдыха. Все государственные дела, требующие срочного внимания, доставлялись ему в храм для рассмотрения. Таким образом, этот месяц стал для Сяо Юйшаня редким временем отдыха, и с меньшим количеством сопровождающих он чувствовал себя по-настоящему свободным.

Едва император прибыл, как все братья и даже племянники в храме узнали, что сейчас Чу Циюнь был главным фаворитом. Например, сейчас, когда император медитировал в беседке Вансянь на задней горе, он попросил Чу Циюня прочитать ему сутры.

Беседка Вансянь была построена на вершине горы Дунли. Утром здесь можно было наблюдать величественный восход солнца, вечером — любоваться закатом, а днём — видеть горные хребты на севере. Ночью же можно было увидеть огни тысяч домов на юго-востоке.

С тех пор как в детстве Чу Циюнь впервые привёл Сяо Юйшаня сюда, он не мог забыть это место. За последние несколько лет, находя разные предлоги, он смог увидеть все сезонные пейзажи.

Сейчас утренняя роса ещё не высохла, и лёгкий ветерок приносил свежесть, что было очень приятно. Сяо Юйшань не медитировал, а лежал на нефритовой циновке, держа в руках зелёный лист и наигрывая на нём мелодию.

Чу Циюнь сидел за каменным столом, заваривая чай Чжэньмэй, и не упустил возможности подшутить над Сяо Юйшанем, который играл не в тон:

— Ошибка, кончик языка должен быть на краю, чтобы не было утечки воздуха.

Сяо Юйшань смиренно принял совет и попробовал ещё несколько раз, наконец начав играть более или менее прилично. Закончив мелодию, он поднялся и посмотрел на Чу Циюня с улыбкой, словно весна наступила в одно мгновение:

— Ну как?

— Отлично. — Чу Циюнь налил чай и пригласил Сяо Юйшаня подойти.

Сяо Юйшань сел и уже собирался пить чай, но Чу Циюнь схватил его за запястье и отобрал чашку:

— Натощак чай пить нельзя, сначала съешь пирожное.

Сказав это, он поднёс к губам Сяо Юйшаня кусочек каштанового пирожного.

Сяо Юйшань, увидев его серьёзное выражение, с улыбкой согласился и, взяв пирожное из рук Чу Циюня, послушно откусил, совсем не похожий на императора.

Чу Циюнь тоже улыбнулся, увидев, что пирожное осталось только наполовину, и сам взял его, проявляя необычайную близость:

— Сладко.

Сяо Юйшань, видя, что он слишком уж раскрепостился, с притворным смешком сказал:

— Ты всегда берёшь то, что осталось от других, будь то одежда или пирожные.

— Разве ты чужой? — Чу Циюнь сказал это так естественно, вложив всю искренность в шутку.

— Ты тот, кто дорог моему сердцу.

Услышав это, Сяо Юйшань был ошеломлён и тронут этими словами. Он, казалось, хотел скрыть свои чувства, поднял чашку и намеренно сменил тему:

— Твой чай... опять ты его не завариваешь, а просто заливаешь водой.

— Ваше Величество снова будет ругать меня за чай. — Чу Циюнь не любил следовать моде и всегда был немного дерзким и свободным, поэтому не мог не поспорить. — Хороший чай, если добавить в него перец и другие специи, теряет свой аромат и становится странным на вкус.

— А ты ещё и оправдываешься? — Сяо Юйшань, видя, что тема уже ушла в сторону, улыбнулся и спросил:

— Среди современных знаменитостей кто не считает заваривание чая признаком утончённости? Ты же просто заливаешь его водой, как телёнок пьёт.

Чу Циюнь снова налил чай для них обоих, затем первым поднял чашку и выпил:

— Мой чай упрощён, что соответствует поговорке «истинная знаменитость сама по себе утончённа».

— У тебя всегда есть пара слов, чтобы превратить белое в чёрное. — Сяо Юйшань усмехнулся, но, снова попробовав чай, вдруг почувствовал тот самый «аромат, обволакивающий язык», о котором говорил Чу Циюнь.

— У меня есть дар слова, но я не могу вытянуть из Вашего Величества искренние слова. — Говоря это, Чу Циюнь внезапно поднял глаза, и его звёздный взгляд стал серьёзным, исчезла вся шутливость, осталась только нежная привязанность. — Я уже сказал, что ты дорог моему сердцу, но ты не ответил и намеренно сменил тему.

Как он снова вернулся к этому?

Сяо Юйшань был раздосадован, но затем подумал, что любые слова в устах этого мастера споров могут вернуться к началу. Сяо Юйшань не знал, как быть, и, не выдержав этого взгляда, смягчился и сдался:

— Я уже сижу в храме Сюйхэ, какой ещё ответ тебе нужен?

— Это просто традиционная поездка на летний отдых, так что это только половина искренности. — Чу Циюнь улыбнулся с хитростью.

Сяо Юйшань решил, что перед ним был человек, превратившийся в лису, и, зная его, догадался, что здесь что-то задумано:

— Ты пользуешься ситуацией и ещё и хвастаешься, будь осторожен.

Чу Циюнь подошёл ближе и шепнул, словно действительно замышлял что-то недоброе:

— Сегодня у подножия горы Дунли проходит ярмарка, очень оживлённо, Ваше Величество не хочет разделить радость с народом?

Сяо Юйшань тоже понизил голос и шепнул ему в ответ:

— Какое наказание полагается за похищение императора?

Едва слова были произнесены, как они, словно по взаимному согласию, рассмеялись. Их смех был веселым и свободным, эхом разносился по вершине горы и дошёл до евнуха Вана, который охранял вход в беседку Вансянь и не позволял посторонним войти.

Евнух Ван подумал, что даос Чу, казавшийся отрешённым и высокомерным, на самом деле обладал многими талантами, чтобы радовать императора. Действительно, внешность обманчива.

Шестнадцать: Поездка на летний отдых (часть вторая)

У подножия горы Дунли, пройдя две мили к югу от источника «Забвение печалей», можно было увидеть толпу людей и оживлённую атмосферу. На ярмарке, вдоль узкой дороги, где могли пройти три человека, стояли прилавки с разнообразными товарами.

Сяо Юйшань переоделся в простого, но благородного молодого человека, а Чу Циюнь снял даосскую одежду и тоже оделся попроще, чтобы отправиться с ним на прогулку. Сяо Юйшань никогда раньше не видел народных ярмарок, поэтому он был в восторге и, сложив веер, с нетерпением влился в толпу.

Чу Циюнь поспешно схватил его и несколько раз предупредил:

— Держись рядом, я не смогу компенсировать потерю императора.

Сяо Юйшань, выросший в роскоши и с детства привыкший к сокровищам всего мира, не только не презирал эту простую ярмарку, но и был поражён её новизной. Он незаметно огляделся по сторонам, затем, подражая другим, присел и начал выбирать, подняв деревянный амулет с красным лаком:

— Что это?

Продавщица, полная женщина, сначала подумала, что за молодой человек такой учтивый? Она уже собиралась пошутить, но, взглянув на него, увидела лицо, словно сошедшее с небес, и покраснела, прежде чем ответить:

— Камбала.

— Пара рыб передаёт чувства влюблённых. — Амулет был грубо вырезан, и дерево было не лучшего качества, но Сяо Юйшань почему-то понравился. — Это хороший знак, можно ли сделать пару?

— Конечно, можно! — Продавщица поспешно нашла ещё один и протянула его Сяо Юйшаню, указывая на рот рыбы:

— Внутри пусто, можно написать пожелание на бумажке и положить туда, чтобы влюблённые почувствовали связь.

Сяо Юйшань рассмеялся, не насмехаясь над её словами, а потому что ему понравился скрытый смысл этого амулета.

<http://bllate.org/book/16210/1455403>